

М. М. Дунаев как историк русской литературы

Несколько предварительных замечаний

Воропаев Владимир Алексеевич, доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

В статье охарактеризована шеститомная монография М. М. Дунаева «Православие и русская литература», название которой точно выражает идею, которая подвигла автора на труд. Это не только его личный взгляд и не только одна из возможных концепций, а единственно верный подход к истории отечественной словесности, ключ к ее правильному пониманию. Дунаев осмыслил, развил и обобщил намеченное другими и создал фундаментальный труд, охватывающий историю русской литературы почти на всем ее протяжении: с XVII по XX столетие. Это первое исследование такого масштаба. В статье поставлен также вопрос о содержании таких понятий, как православный писатель, духовная поэзия, духовная литература, религиозное литературоведение и т. п.

Ключевые слова: Православие, русская литература, святоотеческое наследие, духовная поэзия, духовная литература, религиозное литературоведение.

В наше время литературоведы все чаще обращаются к изучению духовных традиций тысячелетней русской словесности. Русская классическая литература по духу всегда была христианской. К сожалению, эту очевидную истину сегодня приходится доказывать. Как пишет современный ученый, «со всей определенностью необходимо заявить: нужна новая концепция русской литературы, которая учитывала бы ее подлинные

национальные и духовные истоки и традиции»¹. Шеститомная монография Михаила Михайловича Дунаева, доктора филологических наук, доктора богословия, профессора Московской духовной академии, и являет собой первый опыт воплощения такой концепции².

Труд Дунаева вырос из курса лекций, который был прочитан им в московских Духовных школах. В изданном виде он является значительно более фундаментальным, и это естественно, так как ученый каждое свое положение разработал в наибольшей полноте. Известен не один случай, когда лекции становились основой для научного труда и в этом своем качестве получали признание среди ученых и общественности (например, курс лекций В. О. Ключевского по русской истории).

Важнейшей задачей исторического познания отечественной словесности Дунаев считает переход от бытовавшего до последнего времени социального или чисто эстетического ее анализа к религиозному. Наша классическая литература, — пишет он, — «... преимущественно отразила то испытание верой, которое совершалось в жизни народа и отдельного человека, которое, собственно, и есть главное испытание, коему подвержены мы в земной жизни»³. Подобный взгляд на русскую литературу, естественный для православного ученого, позволяет увидеть в настоящем виде как историко-литературный процесс в целом, так и отдельные произведения. После многотомного монографического труда Дунаева можно говорить о начале создания новой концепции истории русской литературы.

1. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994. С. 5.

2. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Изд. 2-е, исправл., дополн. М.: Христианская литература, 2001–2004. См. также: Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 1056 с.; Дунаев М. М. Православие и русская литература: Учебное пособие для духовных семинарий / Под общ. ред. В. Л. Шленова; Учебный комитет Русской Православной Церкви. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2009. 512 с.

3. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 1–2. С. 8.

Не имея возможности в кратком выступлении охватить содержание всех шести томов монографического исследования, скажем несколько слов о главе, посвященной А. С. Пушкину (едва ли не лучшей в книге). Великий русский поэт с его гениальной одаренностью, — безусловно, центральное явление нашей культуры. Он, образно говоря, является вершиной, откуда хорошо просматривается все историческое поле литературы. В этой связи, обращаясь к известной формуле Аполлона Григорьева «Пушкин — это наше все», Дунаев толкует ее в том смысле, что «наше все» — не только всенародная слава, стремление к постижению истины, гармоническое восприятие мира, но и нравственные падения, ощущение безысходности бытия, утрата смысла жизни. И такое представление о Пушкине — единственно правильное. Национальный гений не нуждается в наших оправданиях, но мы сами нуждаемся в глубоком постижении его творчества, которое отразило не только духовную высоту, но и греховность.

Глава о Пушкине, занимающая примерно половину первого тома монографии и отличающаяся строгостью мысли, без сомнения, представляет собой новое слово в пушкинистике. При этом автором учтены и немногочисленные работы (как дореволюционные, так и последнего времени), в которых творчество Пушкина освещается с духовной, церковной точки зрения. С большим тактом говорит он о «Гавриилиаде», отмечая, что прямых доказательств авторства Пушкина не имеется, хотя по своему душевному настрою в ранние поэтические годы поэт на подобное сочинительство был способен⁴. Однако больший вред для читателя в духовном отношении автор усматривает в таких стихотворениях, как «Дар напрасный, дар случайный...», — в них кроется соблазн, губительный для душ незащищенных и нестойких.

4. Правильная *духовная* оценка этой истории, на наш взгляд, такова. Пушкин умер в мире с Церковью, покаявшись и причастившись Святых Таин. Поэт, если он был автором поэмы, безусловно, раскаялся в содеянном. Судит его Господь, а не мы. Недаром пословица назидает: «С грехом бранись, а с грешником мирись». Известен случай, когда одной благочестивой женщине, очень почитавшей Пушкина, во сне явился поэт и поблагодарил ее за то, что она вырвала «Гавриилиаду» из его собрания сочинений.

В хрестоматийных произведениях, известных всем со школьной скамьи, Дунаев открывает новый пласт — духовное содержание. Казалось бы, в «Евгении Онегине» нет ни слова о Боге, о религии. Как можно говорить о христианском взгляде Пушкина? Оказывается, можно. Онегин, на первый взгляд, имеет все, что нужно человеку для счастья: богатство, здоровье, молодость. Однако он хандрит и, как часто случалось с русским человеком, не приемлет идеалов общества, к которому принадлежит (отсюда и его разочарованность). Отвергнув ценности современной ему жизни, Онегин других обрести не смог. В этом трагедия героя.

«Русскую хандру» Онегина, если перевести это понятие на язык православной аскетики, можно назвать *духом уныния*, который, как известно, проистекает из духа праздности. Так пушкинский герой, не имея никакого понятия о святоотеческой мудрости, всей своей жизнью стал ее зримым подтверждением (ведь, как мы знаем, «труд упорный ему был тошен»).

Когда иностранцы говорят о загадочной русской душе, то понимают эту загадочность всегда неверно, не там ищут ее корни. Им следовало бы знать Православие — основу русского государства, веру, для которой характерно отрицание стремления к стяжанию земных благ и, напротив, присуще стремление к приобретению благ духовных. Поэтому русский (православный) человек никогда не находил удовлетворения в собирании сокровищ на земле. Материальное благополучие — как цель земного бытия — изначально было отвергнуто нашим народом. Некогда Иван Киреевский писал: «Русский человек больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого. Роскошь проникала в Россию, но как зараза от соседей. В ней извинялись, ей поддавались как пороку, всегда чувствуя ее незаконность, не только религиозную, но и нравственную и общественную. Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегать тяжести внешних нужд» («О характе-

ре просвещения Европы и о его отношении к просвещению России»)⁵.

По-новому освещает Дунаев и такую традиционную проблему в русской литературе, как проблема «лишнего человека». Пушкинский Евгений Онегин начинает собой череду героев, которых принято называть лишними людьми. Таково их собственное мироощущение: они чувствуют бесцельность своего существования, ненужность своих, часто недюжинных сил. Но проблема «лишнего человека», как справедливо утверждает автор монографии, самым непосредственным образом связана с пониманием (или отсутствием понимания) смысла жизни. Между тем проблема смысла земного бытия есть проблема исключительно религиозная. Всякий атеист, если отважится довести свои убеждения до логического конца, не может не прийти к трагическому выводу, что жизнь его бессмысленна. «Лопух из меня расти будет», как говорит тургеневский Базаров. Проблема Онегина — это проблема человека, которому кажется, что он все уже постиг, все познал. Но, как оказывается, главного в жизни так и не смог понять. Смысл жизни может быть только у человека, оживотворенного Духом Святым. В образе «лишнего человека» (который всегда незауряден, всегда имеет неординарные внутренние запросы — иначе его удовлетворили бы ценности мира сего) Дунаев видит, в частности, своеобразие русской литературы в сравнении с западноевропейской.

Глубоко и оригинально анализируется в книге трагедия «Борис Годунов». Именно в ней впервые проявилось пророческое служение Пушкина в литературе. Противодействие человека воле Создателя — вот главная тема трагедии. Всякое толкование этого произведения как исключительно исторического, политического или социального, считает автор, неверно — только осмысление созданного Пушкиным в религиозном плане может быть правильным.

5. *Киреевский И. В.* Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобными Макарием (Ивановым), старцем Оптиной Пустыни. Дневник / Сост. и вступ. статья Н. Лазаревой. М.: Правило веры, 2002. С. 204.

Ярким примером произведения, написанного с уже утвердившихся православных позиций, служит повесть «Капитанская дочка», в которой всеми действиями главного героя руководит Промысл Божий. И самую гибель поэта автор, вслед за В. А. Жуковским, рассматривает как отход в вечность православного человека.

Важно отметить, что монографическое исследование Дунаева — литературоведение, а не богословие. К содержанию, смыслу автор идет через анализ формы, образной системы произведения. Подробно рассмотрены, в частности, «Страшная месть» и «Шинель» Н. В. Гоголя, «Война и мир» и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «В овраге» А. П. Чехова. Другое дело, что русская классическая литература в силу стечения разных обстоятельств как бы обобщила в себе философию, богословие, социологию — все то, что в западной культуре существовало в раздельности. Так уж сложилась у нас литературная традиция, что писатель делался и философом, и социологом, а часто и богословом (вспомним Ф. М. Достоевского), и почти ни один не избежал политики. Вся эта разносторонность держалась на православном фундаменте. И потому название выдержавшей два издания шеститомной монографии — «Православие и русская литература» — точно выражает идею, которая подвигла автора на труд. Это не только его личный взгляд и не только одна из возможных концепций, а единственно верный подход к истории отечественной словесности, ключ к ее правильному пониманию.

Нельзя сказать, что Дунаев начал работу на пустом месте. В последние десятилетия вышли специальные исследования, в которых мы находим разработку отдельных вопросов по данной проблематике. Достоинство книг автора заключается в том, что он осмыслил, развил и обобщил намеченное другими и создал труд, охватывающий историю русской литературы почти на всем ее протяжении: с XVII по XX столетие. Это первое исследование такого масштаба; разумеется, не лишенное недостатков (об этом особый разговор). И судить сегодня о Дунаеве как об историке русской литературы мы должны не по тому, чего в его труде нет, а по тому, что в нем есть существенного. Нет

никаких сомнений, что это труд этапный, основополагающий, прокладывающий пути дальнейшим исследованиям.

Вот еще о чем хотелось бы сказать в этой аудитории. Сегодня широкое распространение имеют такие термины, как православный писатель, религиозное литературоведение, духовная литература. Но что стоит за этими понятиями? Можно сказать «православный человек», но сказать «православный писатель» язык не поворачивается. Тогда должен быть и протестантский писатель или мусульманский... Другое дело, что православное мировоззрение писателя не может не отразиться в его творчестве. «Человек — это его вера», — говорил Иван Киреевский⁶. Все русские писатели в той или иной степени православные. Даже Лев Толстой, который, к сожалению, так и не сумел наладить свои отношения с Церковью, по своему воспитанию и мирозерцанию был христианским писателем, причем православным христианским писателем. Но вот сознательной церковности почти ни у кого из русских писателей-классиков (может быть, за исключением Н. В. Гоголя и отчасти Ф. М. Достоевского) мы не находим. Об этом, в частности, свидетельствует со всей очевидностью труд Дунаева.

Или возьмем, к примеру, такой широко распространенный сегодня термин, как «религиозное литературоведение». Еще совсем недавно в науке о литературе бытовало понятие «марксистское литературоведение». Но подобное литературоведение хотя бы претендовало на теоретическое обоснование своих методологических (марксистских) принципов изучения литературы. Насколько мне известно, ни один из литературоведов, которых сегодня причисляют к «религиозному литературоведению», не пытался выработать или сформулировать религиозные принципы изучения русской литературы. Наука (а литературоведение — это наука, чтобы ни говорили скептики) по определению не может быть религиозной, как не может быть атеистической. Критерии научности применимы к любому литературоведу, верующему или неверующему. Можно изучать древнерусскую литературу, по преимуществу церковную, и быть человеком неверующим. Физик или математик

6. Там же. С. 284.

могут быть людьми религиозными, но не может быть физики или математики религиозной. Может быть православный литературовед, но нет православного литературоведения.

По-настоящему «религиозным литературоведением» можно назвать разбор литературных достоинств писаний святых отцов, духовных, церковных произведений (отчасти богослужебных текстов; есть даже такое понятие, как церковная поэзия). Анализ таких сочинений может быть назван «религиозным литературоведением». Все остальное, на наш взгляд, не является таковым. Литературоведение как часть филологии, науки синтетической, изучающей духовную культуру (в широком смысле слова) во всех ее языковых и письменных, в том числе литературных, проявлениях, предполагает анализ эстетический, лингвистический, социальный, философский, религиозный и т. д. Нельзя постигнуть глубинный смысл русской литературы, не имея точного знания ее духовного контекста, не зная произведений духовной литературы, оказавших на нее прямое или косвенное влияние. При этом само понятие «русская литература» нуждается в уточнении. Огромный пласт ее был насильственно отторгнут, причем это «заслуга» не только советского литературоведения, но и многих историков литературы старого времени.

Между тем очевидно, что в России до революции существовал единый литературный процесс, который образовывали светская и духовная литература, находившиеся в тесном, хотя и сложном взаимодействии (вспомним, например, стихотворную переписку Пушкина и святителя Филарета, митрополита Московского). Подлинно народными писателями были не Пушкин и Гоголь, а святители Тихон Задонский и Димитрий Ростовский (жития святых которого читала вся грамотная Россия); высокие образцы художественного слова оставили нам святители Игнатий (Брянчанинов), Иннокентий (Борисов), Амвросий (Ключарев) и многие другие.

Вообще в этой терминологии нет никакого порядка. Теоретики литературы должны тут разобраться. Духовный писатель, церковный писатель, духовная проза, духовная поэзия — что это такое? И здесь тоже есть чему поучиться у Дунаева. Так, говоря о поэтическом наследии приснопамятного монаха Ла-

заря (Афанасьева), доктор богословия и одновременно доктор филологии пронизательно указывает на характерные черты подлинно духовной поэзии: «Истинно православное религиозное чувство, нужно помнить, отличается всегда сдержанностью, строгостью выражения и отсутствием какой бы то ни было экзальтации и слащавости (что весьма ощутимо бывает у католиков), — и это составляет важную особенность Афанасьева как поэта (данный раздел монографии написан до его пострижения. — В. В.). Также и в том особенность его стихов, что при всей искренней индивидуальности выраженных в них переживаний — они всегда могут быть соотнесены с мудростью надличностной. Это укорененное в православном сознании свойство миропонимания: ничего не вносить в него слишком от себя, от своего мудрствования, от стремления выпятить неповторимость собственного взгляда на мир. Православная вера поверяется всегда истинами Писания и духовным опытом святых отцов. Оттого она и истинна. Потому-то автор «Лествицы» и не боится сопоставления его стихов со святоотеческой мудростью: они, напротив, рассчитаны на такое сопоставление»⁷.

Итак, подводя итоги сказанному, можно заключить, что монография Дунаева, оценивающая русскую литературу с христианской — православной — точки зрения, без сомнения, внесла весомый вклад в отечественную науку о литературе. Этот фундаментальный труд насущно необходим студентам и преподавателям не только Духовных школ, но и светских учебных заведений.

7. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 6. Кн. 2. С. 486.